

18+

ЭПИК

АВТОР
ЛЕВ СОБОЛЬ

Лев Соболев

Эпик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72881667

ISBN 9785006867321

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта история – о Лёве, который с детства вынужден был играть роль «нормального» парня, скрывая свою болезнь. Пока не понял, что его «приступы» – это не провалы в пустоту, а прорывы в иной слой реальности. Он начал видеть невидимое: тайные страхи, желания, связи между людьми – саму Ткань мироздания, сотканную из света и боли. Теперь его главная битва – не с болезнью, а с самим собой. Принять свой дар. Найти баланс между ледяным контролем и бездонным хаосом. И, возможно, наконец-то снять маску.

Содержание

От автора	5
ЧАСТЬ 1: ПАДЕНИЕ И ДИАГНОЗ	6
1.Тринадцать лет	6
2. Диагноз	9
3. Таблетка и замок	11
4. Жизнь в тени	13
5. Первый триггер	17
ЧАСТЬ 2: БУНТ И ОТКРЫТИЕ	23
6. Война матери	23
7. Раздвоение	26
8. Третий прорыв	29
9. Картограф	33
10. Трагедия Сони	46
ЧАСТЬ 3: ВОЙНА И ПЕРЕМИРИЕ	49
11. Встреча с Мастером	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эпик

Лев Соболев

© Лев Соболев, 2025

ISBN 978-5-0068-6732-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга про МАСКУ. Маску, которую люди «надевают» на работу, чтобы казаться серьезным и крутым. Кто – то надевает на вечеринку, чтобы быть душой компании. А какое у нас настоящее лицо?

Я расскажу про человека, который вынужден был носить маску, не снимая её, ни на секунду. Вынужден, потому что под ней скрывался не просто человек – а целая вселенная, которую мир называет болезнью, а он – даром. Одиноким, проклятым, неистовым, но его ДАРОМ...

ЧАСТЬ 1: ПАДЕНИЕ И ДИАГНОЗ

1.Тринадцать лет

Тринадцать лет. Возраст, когда мир за окном кажется размытым, а мир внутри – единственно настоящим. Лев сидел за столом, копошась в клеммах от старого магнитофона. Пахло паяльной канифолью и пылью. В голове крутилась навязчивая мелодия, и он пытался понять ее ритм.

Внезапно звук *внутри* головы стал громче звука снаружи. Мелодия превратилась в нарастающий, пронзительный звон, как будто кто-то провел смычком по стеклянной струне, натянутой у него в черепе. Воздух запахом сладковатой гарью, хотя ничего не горело. Лев моргнул – и мир перевернулся.

Не он упал. Нет. Это комната *исчезла*.

Его не было за столом. Он парил в потоке чистого света. Не было ни верха, ни низа, только бесконечное, сияющее пространство. Он не видел своего тела, но *чувствовал* его – легким, невесомым, частью этого сияния. Это не было похоже на сон. Сны – блеклые и обрывистые. Это было *реальнее* самой реальности. Он ощущал каждую вибрацию света на каком-то глубинном, клеточном уровне. Это было похоже на... возвращение домой. Туда, где тебя ждали.

Длилось это всего одно сердцебиение. Или целую веч-

ность. Понятия времени там не существовало.

Он пришёл в себя на полу. Лев медленно «собирал» комнату вокруг себя: узор на ковре, свет от лампы, трещина на потолке. Он физически здесь, но мысленно – ещё там. Откуда-то сверху доносился испуганный, прерывистый голос:

– Сынок! Лёва! Господи, что с тобой?!

Он медленно поднял голову. Над ним стояла мама, бледная, с широкими от ужаса глазами. Она трясла его за плечо.

– Мам? – его собственный голос прозвучал хрипло и странно. Во рту был привкус меди – он прикусил язык. – Что... что случилось?

– Ты упал! Прямо со стула! Ты меня слышишь? Ты в порядке?

Лев сел, опершись спиной о ножку стола. В голове была пустота и легкий звон, как после громкого концерта. Он оглядел комнату. Все было на своих местах. Магнитофон, клеммы, паяльник.

Он не помнил падения. Последнее, что он помнил – это запах гари и... и что-то еще. Что-то очень важное и яркое. Ощущение полета, света, безграничного покоя. Оно уплывало, как дым, оставляя после себя лишь смутную, щемящую тоску.

– Наверное, встал резко, – неуверенно сказал он маме. – Голова закружилась. Бывает же.

Он искренне так думал. В его картине мира не было места «приступам» и «потере сознания». Было странное голо-

вокруге, а потом – провал в памяти и падение. Самое яркое и реальное пережитое – тот сияющий мир – его мозг, пытаюсь найти объяснение, уже отнес к категории «предположенного сна» или «галлюцинации от недосыпа».

Мама смотрела на него с нескрываемым страхом. Она видела *припадок*. Судороги, закатившиеся глаза, пену у губ. Он же видел только итог: себя на полу и ее испуг. Их реальности в этот момент разошлись кардинально.

– Нет, это не просто головокружение, – качая головой, сказала мама, и в ее голосе была сталь решимости вести его к врачу. – Со мной такого никогда не бывало.

Лев кивнул, чтобы ее успокоить, но внутри он был с ней не согласен. С ним не случилось ничего плохого. С ним случилось что-то удивительное. Он просто не знал, что это было. И ему страстно хотелось понять, как вернуться *туда*.

2. Диагноз

Конечно же, на следующий день мама повела сына к врачу.

Стеклянная дверь поликлиники закрылась за ними с глухим щелчком. Мир снаружи, с его красками и звуками, остался за стеклом. Здесь же царил другой порядок – порядок белых халатов, тикающих часов и приглушенных голосов.

В кабинете невролога было светло и пахло антисептиком. На столе – громоздкий компьютер, а на мониторе Лев с мамой наблюдал модель своего мозга в разрезе.

Лев сидел на жестком стуле, вжимаясь в спинку. Он чувствовал себя породистой собакой на выставке. Врач медленно листала его историю, изредка поглядывая то на него, то на маму. Мама сидела рядом, сжав сумочку так, что костяшки пальцев побелели. Ее страх был почти осязаем, он висел в воздухе тяжелым облаком.

– Итак, – доктор отложила бумаги и сложила руки на столе. – Результат ЭЭГ показал наличие эпилептической активности.

Слово прозвучало как выстрел в тишине. Э-пи-леп-сия. Лев слышал его раньше, в фильмах, обычно в контексте чего-то страшного и неизлечимого. Мама тихо ахнула и поднесла платок к губам. Для нее это слово было равноценно

приговору, клейму, крушению всех ее надежд на «нормальную» жизнь для сына.

3. Таблетка и замок

Но в голове у Льва происходило нечто иное. Слово не испугало его. Оно... *заинтересовало*. Оно было странным, медицинским, холодным. Но оно было названием. Названием для того таинственного портала, что на мгновение открылся ему в прошлый раз.

– Это... это лечится? – дрогнувшим голосом спросила мама.

– Мы говорим не о лечении, а о контроле, – поправила ее доктор. – Правильно подобранная терапия позволяет свести приступы к минимуму, а часто – и полностью их подавить.

«*Подавить*». Это слово Лёве не понравилось. Оно было грубым, разрушительным. Как если бы редкий и прекрасный цветок вытоптали сапогом.

Доктор стала объяснять про триггеры: недосып, стресс, мерцающий свет. Для мамы это был список опасностей, которых нужно избегать. Для Льва – это звучало как инструкция. Своего рода рецепт. *Возьми недосып, добавь немного стресса, и... дверь откроется.*

Потом врач выписала рецепт на противосудорожный препарат.

– Это поможет предотвратить повторение приступов, – сказала она, протягивая маме бумажку.

Мама взяла рецепт с благоговением, как священную ре-

ликвию, ключ к спасению. Лев смотрел на этот маленький листок и видел в нем не ключ, а замок. Замок на той самой двери.

Когда они вышли из кабинета, мама обняла его, и в ее глазах стояли слезы облегчения – теперь был план, был враг, с которым можно бороться.

Лев шел молча. Он не чувствовал облегчения. Он чувствовал смятение. Врач и мама говорили о болезни, о проблеме. А для него это было не проблемой. Это было... открытием. Его личным, самым главным открытием. И теперь все силы взрослого мира были направлены на то, чтобы это открытие «подавить».

Он посмотрел на маму, на ее влажные от слез глаза, и впервые в жизни почувствовал непреодолимую стену непонимания. Он не мог сказать ей: «Мама, не плачь, это не болезнь, это дар». Она бы не поняла. Ее мир был миром диагнозов и таблеток. Его мир только что раздвоился. В нем появилась официальная, серая реальность больного эпилепсией мальчика. И тайная, сияющая реальность путешественника, для которого слово «эпилепсия» было не диагнозом, а паролем. Лев понимает, что его истинные переживания не разделить ни с матерью, ни с врачом. Он остается с этой тайной один на один.

4. Жизнь в тени

Прошел год после первого и пока единственного приступа.

Год – это целая вечность, когда тебе четырнадцать. За это время можно научиться играть на гитаре три аккорда, поссориться и помириться с лучшим другом, впервые влюбиться в одноклассницу с косичками и понять, что мир не крутится вокруг тебя одного.

Для Льва тот странный вечер с «головокружением» и падением постепенно превратился в размытое пятно памяти. Врачи сказали «эпилепсия», мама произносила это слово шепотом, с опаской, но за целый год болезнь так ни разу и не проявилась. Утром он исправно глотал маленькую белую таблетку – это стало таким же рутинным ритуалом, как чистка зубов. Неприятным, но незначительным.

Он даже почти забыл то самое ощущение. Та вспышка света, то чувство полета. Иногда оно приходило к нему во снах – обрывками, как приходит что-то давно забытое. Но утром, под звонок будильника, эти обрывки растворялись в суете сборов в школу.

Его жизнь была наполнена другим. Настоящим. Он с друзьями гонял мяч во дворе до темноты, спорил о музыке, тайком курил за гаражами, испытывая странную смесь восторга и стыда. Он влюбился в Лизу из своего класса, и весь мир

заиграл новыми красками – но это были земные, понятные краски: румянец на ее щеках, цвет ее голубой кофты, зелень листьев в парке, где они иногда встречались.

В эти моменты он был просто подростком. Не пациентом, не «особенным». Он был частью стаи. И это чувство принадлежности было сильнее любого мимолетного видения.

Мама постепенно успокоилась. Ее взгляд стал менее тревожным. Она даже начала шутить: «Главное – таблетки не забывай, а то опять голова закружится». И он кивал, не вдаваясь в подробности. Для них обоих «эпилепсия» свелась к этой утренней таблетке. К диагнозу в карточке, который не подтверждался жизнью.

Тот другой мир, Ирреал, если его можно было так назвать, уснул. Он стал похож на самую красивую, но самую неясную сказку, которую тебе читали в раннем детстве. Ты помнишь, что она была волшебной, но уже не можешь вспомнить ни имен, ни сюжета.

Лев не стремился вернуться. Зачем? У него здесь была Лиза, друзья, первая бас-гитара, на которой он пытался подобрать аккорды. Его жизнь была здесь, в этом шумном, пахнущем асфальтом и весной мире. Мире, который был хоть и не идеален, но был его миром.

Он и не подозревал, что дверь, которую он случайно открыл год назад, была не заколочена наглухо. Она просто ждала своего часа.

Лев вырослел. Он был полностью интегрирован в подростковую жизнь. Его компания активно «исследует» запретные плоды. Это была его первая настоящая вечеринка. Не день рождения у кого-то дома под присмотром родителей, а настоящая, почти взрослая тусовка в заброшенном гараже на окраине. Пахло бензином, пылью и свободой. Кто-то притащил колонки, из которых гремел брутальный рэп, кто-то – бутылку дешевого вина, а лучший друг Серёга – много банок пива.

Лев чувствовал себя первооткрывателем. Он затянулся сигаретой, сдерживая кашель, и сделал глоток горького, теплого пива. Ему не нравился вкус, но нравилось ощущение: он был как все. Он был своим. Рядом хохотала Лиза, и ее плечо касалось его плеча. В этот момент он был готов выпить хоть уксус, лишь бы это чувство принадлежности не заканчивалось.

Он вернулся домой под утро, пахнувший дымом и весельем. Мама, конечно, устроила сцену, но даже ее крик не мог испортить эйфории. Он был не просто Лёвой, «мальчиком с таблетками». Он был крутым. Он был живым.

Его мир, реальный мир, был окрашен в цвета лихих 90-х. Они жили в многоэтажке, в квартире, где обои отходили углами, а по вечерам пахло жареной картошкой и дешевым табаком его отца. Телевизор показывал два канала, и оба – бесконечные сериалы про бандитов или тревожные выпуски новостей. На стене в комнате висел ковер с оленями, ко-

торый мама называла «богатством». Богатством были и банка кильки в томате на ужин, и новые кроссовки, купленные на последние деньги.

Жизнь была серой, неустойчивой, полной тревожных разговоров взрослых о задержках зарплаты, дефолте и приватизации. Быть подростком в такое время означало жаждать ярких красок любой ценой. И эти краски он нашел ночью в гараже, а наутро – в совершенно ином месте.

5. Первый триггер

Сознание вернулось к нему не через сон, а через удар. Резкий, болезненный толчок, будто все его тело кто-то выдернул из розетки и воткнул обратно.

Он лежал на полу в ванной. Щека прилипла к холодному кафелю. Из-за двери доносился панический крик матери. Голова раскалывалась, но это была не обычная головная боль после вечеринки. Это была боль возвращения. Во рту снова был знакомый привкус меди.

И тут его накрыло волной памяти. Не памяти о падении, когда он чистил зубы. А памяти о том мире.

Когда наутро мир в ванной поплыл перед глазами и погас, это не было потерей сознания. Это был переход. Резкий, как щелчок выключателя, и мгновенный.

И вот он уже не падал. Он стоял по колена в волнах. Но это были не водяные волны. Это было море из высокой, поющей травы цвета ультрамарина. Каждая травинка излучала мягкий свет и издавала едва слышный, мелодичный звон, словно хрустальная струна. Воздух был упругим и вкусным. Он пах так, как будто можно было вдохнуть саму радость: сладковатый аромат неведомых цветов смешивался со свежестью после грозы и пряной теплотой спелого персика.

Лев поднял руку и увидел, что его пальцы тоже светятся изнутри легким золотистым сиянием. Он чувствовал каж-

дую частицу этого мира каждой клеткой своего существа. Это было настоящее. Более настоящее, чем холод кафеля под щекой, к которому он вернется позже. Здесь не было понятия «вспомнить» или «подумать» – было только чистое, безмысленное переживание. Вселенское, абсолютное счастье, сравнимое разве что с ощущением полного принятия, возвращения в лоно, где тебя любят и ждут просто за то, что ты есть.

Где-то в отдалении парили острова из розового кварца, а по небу, которого не было видно, но чье присутствие ощущалось как ладонь на голове, плыли облака, похожие на капли жидкого серебра. И он знал, что не один. Рядом было чье-то дружественное, теплое присутствие. Без формы, без голоса – просто чувство, что тебя ведут, тебе рады.

Длилось это вечность, растянутую в одно мгновение. А потом – рывок. Боль. Холод. Резкий, грубый свет лампочки в ванной. И оглушительный крик матери, врывающийся в ту тишину, что была секунду назад.

Мама вломилась в ванную, заплаканная, с телефоном в руке.

– Скорая едет! Господи, сынок, я же говорила! Я же говорила про режим!

Но Лев ее почти не слышал. Он смотрел в потолок, и по его лицу текли слезы. Но это были не слезы боли или страха. Это были слезы потрясения от утраты.

Он *вспомнил*. Он вспомнил то самое ощущение из про-

шлого раза, которое за год стало казаться сном. И он понял, что это не сон. Это было реальнее, чем вчерашняя вечеринка, чем вкус пива и сигаретный дым.

Врач скорой помощи, а потом и мама, были единомышленны: «Алкоголь. Недосып. Триггеры. Нарушил режим». Для них это была причинно-следственная связь: грех → наказание.

Для Льва, который сидел, закутавшись в одеяло, и смотрел в окно, вырисовывалась другая цепочка.

Грех (нарушение запретов Реала) → Награда (возвращение в Ирреал).

Он впервые задумался не о том, как избежать приступа. Он подумал о том, как его повторить. Пиво и недосып были не причиной наказания, а... ценой за билет. Дорогой, болезненной, но ценой.

Он посмотрел на маму, которая с упреком и страхом ставила перед ним стакан воды и новую таблетку. И впервые в жизни он смотрел на этот маленький белый диск не как на спасение, а как на барьер. Преграду, которая целый год отгораживала его от самой удивительной тайны его жизни.

Лев понял, что доступ к Ирреалу требует жертв в Реале. Это основа для будущих трудных решений.

Теперь у Льва есть мотивация. Он больше не пассивный пациент. Он становится исследователем, готовым ставить эксперименты над собой. Видимо, серость и неустроенность тех лет объясняет, почему побег в яркий, идеальный мир так притягателен для него. Это не просто болезнь, это реакция

на среду.

Последующие годы стали для Льва временем великого раздора. Но раздора не с кем-то извне, а внутри себя. Ирреал манил. После того второго, яркого приступа, память о нем не угасала, а тлела где-то в глубине сознания, как уголек. В самые серые дни, когда за окном моросил осенний дождь, а дома пахло капустой и напряжением из-за вечных споров родителей о деньгах, он ловил себя на том, что мысленно ищет тот самый сладковатый привкус гари, предвестник перехода. Он смотрел на мерцающий экран телевизора дольше, чем нужно, почти надеясь, что это спровоцирует головокружение. Это была тихая, навязчивая мелодия, звучащая фоном к его жизни.

Но заглушить ее было несложно. Потому что Реал в 15 лет оглушал своими собственными симфониями. Главной из них была Лиза. Не Лизка из его класса, а Лиза, с которой он сидел за одной партой уже год. Их влюбленность была не мимолетным подростковым флиртом, а чем-то серьезным, выстраданным. Они вместе писали сочинения в школьном классе, и под столом их пальцы сплетались в единый, липкий от волнения узел. Лев ловил ее взгляд и думал: «Вот он. Мой человек. Моя будущая жена». Он строил планы: поступят в один институт, съедут от родителей, у них будет своя квартира. Эти мечты были такими же яркими и реальными, как видения Ирреала. Они пахли не сказочными цветами, а ее духами и пылью с библиотечных книг, и были

от этого не менее ценными.

Другой громкой симфонией были серость и нищета тех лет. Конечно, Лев не думал об экономических или социальных проблемах, он видел всё это в людях, которые спивались, недоедали и т. д. Небольшая часть толпы выглядела ярко и модно, но их число меркло перед остальными.

Ненавидя эту пустоту, он в то же время чувствовал в ней жар жизни, которого не было в стерильном покое Ирреала.

И вот маятник качался.

Один вечер: он с Лизой в парке, они целуются, и мир сужается до точки тепла ее губ. И Лев думает: «Зачем мне какой-то другой мир? Весь мой рай – здесь».

А на следующий день он готов выпить, не спать, сделать что угодно, лишь бы дверь в сияющий мир распахнулась.

Он жил на грани. Иногда он исправно пил таблетки, боясь потерять Лизу, боясь выглядеть «тормозом» или больным в ее глазах. А иногда, в моменты отчаяния или просто из любопытства, он «забывал» выпить их, подолгу крутился перед зеркалом, чтобы закружилась голова, и ждал. Пока безуспешно.

Дверь в Ирреал не открывалась по первому требованию. Она была капризной, непредсказуемой. И эта непредсказуемость сводила его с ума. Он разрывался между двумя реальностями, и каждая тянула его к себе, обещая свое, уникальное счастье. Он еще не знал, что скоро ему придется выбирать. И что любой выбор будет похож на ампутацию части

души.

ЧАСТЬ 2: БУНТ И ОТКРЫТИЕ

6. Война матери

Второй приступ стал для матери не случайностью, а началом войны. Если первый раз можно было списать на странность, единичный сбой, то повторение означало одно: болезнь никуда не ушла. Она затаилась и теперь показала свою настоящую сущность.

И мама Льва объявила ей тотальную войну.

Белые таблетки из поликлиники были лишь первым, самым очевидным рубежом обороны. Когда они не принесли мгновенного и абсолютного результата (а приступ повторился), мама пошла в наступление по всем фронтам.

Поиск «светил». Начались паломничества по платным медицинским центрам. Они ездили в душных электричках и поездах, чтобы попасть к «самому лучшему» неврологу, профессору с многолетним стажем. Тот просматривал кипу бумаг, качал головой, менял дозировку или выписывал новый препарат. Мама платила за приемы последние деньги, а потом с надеждой в глазах смотрела на Льва: «Этот доктор точно поможет. Он очень известный».

«Народные целители». Параллельно шел тайный, полустыдливый маршрут. Кто-то из соседок порекомендовал

«бабку» в близлежащей деревне. Мама тайком от отца, который фыркал на такое «мракобесие», везла Льва в старый, покосившийся дом. Бабушка, пахнувшая травами и дымом, шептала над водой, водила по его голове яйцом, которое потом разбивала со вздохом: «Сглаз сильный, но я сниму». Мама слушала ее с благоговением, более искренним, чем у кабинета профессора, и платила за пакетик сушеных трав, которые потом тайком зашивала Льву в подушку.

«Церковь». Отчаявшись найти ответ в медицине и магии, мама обратилась к Богу. Она, никогда не будучи особо верующей, стала ходить в церковь. Ставила свечи у каждой иконы, шепча заученные молитвы о здравии. Она привела Льва к батюшке после службы. Тот, усталый и добрый, положил руку ему на голову и сказал: «Терпи, чадо, Господь испытывает тех, кого любит». Мама слушала эти слова, и в ее глазах была та же надежда, что и у двери целительницы.

Для Льва все это превратилось в бесконечный, изматывающий ритуал. Он был пассивным объектом, живым полем битвы, по которому мама вела огонь из всех орудий. Ему было жаль ее. Он видел, как она худеет, как ее глаза всегда на мокром месте. Он покорно глотал новые таблетки, пил горькие отвары из бабушкиных трав и стоял с опущенной головой в церкви.

Но внутри у него рос протест. Потому что все они – и профессор, и бабка, и батюшка – говорили об одном и том же: как избавиться от приступов. Как закрыть дверь. Никто, да-

же в страшном сне, не мог предположить, что для него эта дверь была не проклятием, а сокровищем. Он не мог сказать матери: «Мама, остановись. Мне не нужно избавление. Мне нужно научиться этой дверью управлять».

Ее отчаянная, слепая любовь возводила между ними стену. Чем больше она боролась за его «нормальную» жизнь, тем сильнее он ценил те мгновения аномальной, потусторонней жизни, которые она так стремилась уничтожить.

И в самые тяжелые дни этой «войны», после особенно унижительного визита к очередному знахарю, его тайное желание вернуться в Ирреал становилось только острее. Там не было ни врачей, ни бабушек, ни свечек. Там был только покой, красота и тишина. И он начинал понимать, что бегство туда может быть не просто мечтой, а необходимостью.

7. Раздвоение

Два последних школьных года стали для Льва временем сосуществования. Он уже не был тем мальчиком, который забыл про приступ, но еще не стал тем, кто готов был сжечь мосты. Он научился жить в подвешенном состоянии, не выбирая стороны.

Реальный мир по-прежнему был серым с вкраплениями разноцветных красок. Его отношения с Лизой углублялись. Это уже была не просто влюбленность, а настоящий союз. Они прятались от всех на чердаке ее пятиэтажки, слушали «Кино» на кассетнике и строили планы уехать в мегаполис, подальше от серого родного города. Эти планы были такими же реальными и осязаемыми, как учебник по алгебре в его руках. Лиза была его якорем, и он цеплялся за нее в те дни, когда тоска по Ирреалу становилась особенно острой.

Но именно в эти годы стали происходить странные вещи. Магический реализм начал проступать сквозь трещины обыденности.

Однажды на уроке литературы, когда учительница читала стихи Блока о Прекрасной Даме, Лев на секунду отвлекся, глядя на солнечный луч, падающий на парту. И ему показалось, что не пылинки танцуют в свете, а крошечные, светящиеся частицы, точно такие же, как фиолетовая трава в Ирреале. Луч на миг стал гиперреальным, и по классу пробе-

жал тот самый сладковатый запах гари. Сердце его екнуло, но видение исчезло так же быстро, как и появилось. Лиза, сидевшая рядом, спросила: «Ты чего вздрогнул?» Он только покачал головой.

Как-то раз Лев стоял на балконе. Ночь была беззвёздной, город засыпал. И вдруг ему показалось, что вдалеке, за силуэтами заводских труб, на секунду вспыхнул и погас не огонек, а целое сияние, знакомое и манящее. Он простоял так полчаса, замерзший, вглядываясь в темноту, но больше ничего не повторилось. Это было похоже на мимолетную улыбку того мира, промелькнувшую в этом.

Иногда, засыпая, он слышал тот самый гармоничный гул, музыку Ирреала. Она доносилась не извне, а из самой глубины его памяти, как настройка канала на старом радиоприемнике. Он научился не пугаться этого, а ловить этот звук и пытаться удержать, но всегда проваливался в сон. Эти моменты не пугали его. Они волновали. Они были как тайные знаки, подтверждающие, что он не сошел с ума, что тот мир реален и где-то рядом. Он не рассказывал об этом никому. Как объяснить, что иногда видишь в пылинках другой мир? Все бы решили, что он шутит или, что хуже, что с ним что-то не так.

Мамина «война с болезнью» продолжалась, но стала фоном. Он уже автоматически пил таблетки, ездил к врачам и даже помогал маме ставить свечи в церкви. Это была цена, которую он платил за спокойствие в семье, за возмож-

ность быть с Лизой, за видимость нормальной жизни.

К концу одиннадцатого класса он стоял на распутье. Впереди была реальная, осязаемая цель: выпускные, экзамены, поступление в университет, новая взрослая жизнь. Но параллельно с этим росло и тихое, навязчивое знание, что есть и другой путь. Не горизонтальный, в другой город, а вертикальный – вглубь себя, в тот сияющий сон наяву, который все чаще подмигивал ему из-за завесы реальности.

Он еще не делал выбора. Он просто видел перед собой две широко расходящиеся дороги. И пока что шел по обеим одновременно.

8. Третий прорыв

Третий приступ случился незадолго до выпускного. Не в драматичный момент стресса или бунта, а в самый обычный будний день. Лев сидел у себя в комнате, перебирал стопку потрепанных аудиокассет, выбирая, что записать на вечернюю прогулку. Солнце заходило, заливая комнату оранжевым светом.

И снова тот же предвестник – сладковатый привкус палевого провода на языке. Только теперь Лев не испугался. Он его узнал. Сердце не сжалось от страха, а наоборот, странно и радостно екнуло: «Опять?»

Мир поплыл, звук щелчка перематываемой пленки растянулся в долгий, звенящий гул. И потом... переход. Уже не шокирующий, а почти привычный. Как перешагнуть порог родного дома.

На этот раз Ирреал предстал перед ним в ином качестве. Он оказался не в эпическом пейзаже, а в чем-то похожем на бесконечную, уютную библиотеку. Только стеллажи были сделаны из живого, светящегося дерева, а вместо книг на полках пульсировали и переливались сгустки чистого знания и чувств. Он не читал их, а ощущал – прикосновение к одному из них дарило воспоминание о незнакомом, но до боли родном запахе дождя в чужом мире, к другому – обрывок мелодии, от которой хотелось смеяться и плакать

одновременно. Здесь было безопасно, тепло и безмятежно. Это было похоже на возвращение в самое светлое детство, которого у него никогда не было.

Он шёл между стеллажами, и они начинали терять чёткость, превращаясь в переливающиеся линии и узлы. Вскоре он осознал, что стоит не в библиотеке, а в сердце гигантской, многомерной сети или полотна... Он видел каждые линии, нити и узлы связывающие этот Эпимир (как впоследствии он его назовет).

Перед ним простиралась бесконечная, переливающаяся Ткань со сложными узорами из переплетённых нитей. Где-то вдалеке он увидел образ человека, который и состоял из таких узлов и нитей.

Возвращение в Реал было уже не таким болезненным. Он обнаружил себя лежащим на полу рядом с разбросанными кассетами. Голова гудела, во рту был знакомый привкус. Но паники не было. Была лишь легкая досада, как при пробуждении от самого прекрасного сна, сюжет которого уже ускользает.

В дверь постучали. На пороге стояла мама с тарелкой бутербродов. Она взглянула на него, на кассеты на полу, и ее лицо исказилось ужасом.

– Сынок! Опять?! – она чуть не уронила тарелку, бросилась к нему, начала ощупывать его голову, заглядывать в глаза.

Лев медленно сел.

– Мам, все нормально. Просто голова закружилась, упал. Отлежусь – и все пройдет.

Он говорил это спокойно, почти автоматически. Он видел ее страх, видел, как у нее дрожат руки, но внутри себя он не разделял эту тревогу. Для него только что произошло нечто удивительное. Для нее – повторился кошмар.

– Нет, это не нормально! – почти кричала она, и в ее глазах стояли слезы. – Я сейчас позвоню доктору, мы увеличим дозу...

Лев лишь покорно кивнул, позволяя ей хлопотать над собой. Внутри же он чувствовал растущую пропасть. Они говорили на разных языках. Она – на языке болезни, страха, борьбы. Он – на языке... путешествий. Эти «приступы» не были для него симптомами. Они были состояниями. Краткими, драгоценными отпусками из серости и суеты в место абсолютной гармонии.

Он не придавал им значения как болезни, потому что не чувствовал себя больным. Наоборот, в эти моменты он чувствовал себя более живым и цельным, чем когда-либо. Болезнью была сама необходимость возвращаться обратно, в этот мир слез, таблеток и страха.

Когда мама ушла звонить врачу, Лев поднял с пола кассету с записью «Наутилуса». Он смотрел на нее и думал, что эти приступы были для него такой же музыкой. Только музыкой для одного слушателя. Тайной, которую невозможно

никому рассказать.

И впервые он подумал, что, возможно, проблема не в нем, а в том, что весь мир договорился считать это чудо – болезнью.

9. Картограф

Лев понял, что он видел человека, состоящего из полотна с узорами, где можно было разглядеть каждую ниточку и узелок. Один из них толстый и оранжевый, другой тонкий и черный. Нужно было разгадать эту картинку.

Лев знал, что нужно распутывать этот клубок сейчас, пока он видел это у себя в голове. Он лёг на диван, закрыл глаза и вернулся в ту бесконечную и переливающуюся Сеть Эпимира. И тогда его осенило, все эти мерцающие и пульсирующие нити, это мир людей, где у каждого свой сложный узор из переплетенных нитей.

– Нити – это причинно-следственные связи, эмоциональные привязанности, обещания, страхи.

– Узлы – ключевые события, точки принятия решений, которые накрепко связывают несколько нитей вместе (например, узел «рождение Льва» или узел «первый приступ»).

Он может видеть, как грубые нити страхов и предрассудков дергают за узлы, заставляя людей совершать определенные поступки. И яснее всего он видел ту самую толстую, удушливую нить – «Страх за будущее сына», – что тянулась к его матери и управляла каждым ее движением. И тогда он погрузился в сладкий и безмятежный сон.

Поступление в университет в родном городе не стало для

Льва билетом на свободу. Это было скорее получение пропуска в новый, ранее недоступный клуб. Он все так же жил в своей комнате с обоями в цветочек, за завтраком видел озабоченное лицо матери и слышал ворчание отца за газетой. Но теперь у него в кармане лежала студенческая «ксива» – символ иного положения.

Лиза поступила в педагогический. Они виделись реже, чем в школе. У обоих была своя новая жизнь: новые лица, новые расписания, новые обязательства. Их отношения, еще недавно казавшиеся вечными, теперь существовали в промежутках между парой и вечеринкой, становясь чем-то более взрослым и оттого более хрупким.

Группа, в которой учился Лев подобралась шумная. Первая же лекция закончилась сговором сходить «на пиво» вечером. Лев нервно согласился. Он помнил, что алкоголь – триггер. Но он также помнил вкус того пива в гараже и последующий за ним провал в иной мир. Теперь это было смешано с новым, острым желанием – быть своим. Не «тем парнем с приступами», а просто Львом, студентом-первокурсником.

Вечеринка в общаге друга была всем, о чем он мечтал: дым сигарет, которым он теперь уверенно затягивался, громкая музыка, смех, болтовня ни о чем и обо всем сразу. Он выпил банку пива, потом еще одну. Ощущение легкого опьянения было приятным, оно стирало шероховатости реальности, делало его увереннее. И где-то на задворках сознания

шепельнулась мысль: «А что, если...?» Не страх, а азартная, темная надежда на повторение того опыта.

Приступа не случилось. Наутро он проснулся с тяжелой головой и чувством стыда перед мамой, но также с чувством выполненного долга перед самим собой. Он смог. Он был как все.

Это стало его новой реальностью. Пары, где он отсиживался, перематывая в голове вчерашние разговоры. Вечеринки по выходным, где он учился пить «как взрослый», балансируя на тонкой грани. Он все так же принимал таблетки, но уже не с благоговением, а с досадой. Они были якорем, который мешал ему отправиться в полет – и в веселье, и в тот, другой мир.

Приступы случались, но странным образом. Не в разгар вечеринки, а после, в состоянии утомления и похмелья. Они были короткими, обрывистыми. Пролетами в какой-то хаос. Никакой структуры, никакой Ткани. Лишь клубящийся туман образов, громкий гул и болезненный возврат в реальность с раскалывающейся головой.

Он не видел великий Эпимир. Он не был готов. Его сознание было перегружено новыми впечатлениями, алкоголем и жаждой простого человеческого общения. Его дар спал, подавленный химией и суетой, проявляясь лишь в виде сбившихся, корявых галлюцинаций. Он списывал это на усталость и перебор с алкоголем.

Его жизнь раскололась надвое.

– Днем он был студентом, сыном, парнем Лизы. Он слушал мамины упреки («Опять гулял! С твоим-то здоровьем!»), обещал быть аккуратнее и целовал Лизу в щеку, чувствуя легкий укор.

– Ночью он был своим парнем в компании, где ценили не оценки, а умение выпить и поддержать разговор. Здесь его не считали больным. Здесь он был просто Лев.

Его тянуло в эту новую, веселую жизнь в Реале с силой, которую он не ожидал. Он видел риск. Он понимал, что играет с огнем, что его образ жизни ведет к учащению приступов. Но пока что пламя вечеринки грело его лучше, чем холодный, безмолвный покой Ирреала, который стал ему казаться сном, помутнением.

Он стоял на пороге, но повернулся к нему спиной. Он хотел жить здесь и сейчас. И пока что не понимал, что, убегая от одной бездны, он делает шаг к другой, куда более страшной – к потере себя в хаосе настоящего, без прошлого и будущего.

Приятель из группы, Дима, праздновал день рождения. Не в кафе, а в пустой квартире своих родителей, которые уехали в отпуск. Для Льва это был новый уровень – настоящая взрослая тусовка в «своем» пространстве, без угрозы, что из соседней комнаты выйдут родители.

Воздух в квартире был густым, как суп. Пахло пивом, сигаретным дымом и каким-то дешевым одеколоном. Из колонок рвал глотку «МумийТроль». Лев стоял у стола с заку-

ками, сжимая в руке банку какого-то импортного пива – оно считалось круче советского «Жигулевского». Он уже выпил две. Первую – залпом, чтобы догнать других. Вторую – медленнее, растягивая удовольствие.

Сначала было страшно. Он ловил себя на том, что прислушивается к внутренним ощущениям, ища знакомые предвестники: звон в ушах, странный привкус. Но ничего не было. Только нарастающая эйфория. Голова становилась легкой, язык – более развязным. Он шутил, смеялся, спорил о чем-то с сокурсницей Катей. Она смотрела на него с интересом, и это приятно щекотало самолюбие.

– Лев, да ты веселый парень! А я думала, ты тихоня, – крикнула она ему прямо в ухо, перекрывая музыку.

Он улыбнулся и сделал еще один глоток. В этот момент он чувствовал себя не больным, не «особенным». Он был своим. Это ощущение было пьянее любого алкоголя.

Дима подошел с бутылкой водки и начал наливать всем по стопке.

– Ну что, студенты, за сессию, чтобы она у нас была! За первый курс!

Лев замер. Водка. Это был уже серьезный вызов. Он видел, как Катя смотрит на него. Видел одобрительные взгляды других. Мысль о таблетках, о маме, о возможном приступе промелькнула где-то далеко и утонула в общем гуле.

– Давай, Лев, не тормози! – хлопнул его по плечу Дима.

Он взял стопку. Холодное стекло обожгло пальцы. Рез-

кий, противный запах ударил в нос. Он залпом выпил. Огонь прошелся по горлу и разлился жаром в желудке. Комната на секунду поплыла перед глазами.

И вот тогда он его почувствовал. Тот самый, сладковатый привкус паленой проволоки на языке. Только сейчас он был не предвестником чуда, а тревожным, химическим сигналом опасности.

– Всё нормально? – будто из-под воды, донесся голос Кати.

– Нормально, – выдавил он, стараясь улыбнуться. – Просто крепкая.

Он отошел от стола, прислонился к прохладной стене. Звон в ушах нарастал, но его маскировал грохот музыки. Он закрыл глаза, и перед ним проплыли не красочные пейзажи Ирреала, а какие-то рваные, бесформенные вспышки. Как испорченная пленка в кино. Ему стало дурно.

Он почувствовал, как его ведут под руки.

– Щас проветримся...

Его вывели на балкон. Холодный ночной воздух обжег легкие. Лев глубоко вдохнул, цепляясь взглядом за огни города внизу. Катя и Дима стояли рядом, что-то говорили, но он не разбирал слов. Ему было стыдно и страшно. Не от того, что его сейчас вырвет, а от того, что он снова на грани. Но на этот раз это была не та, желанная граница между мирами, а обрыв, падение в никуда.

Приступ так и не случился. Тело, измученное алкоголем

и недосыпом, дало сбой, но не открыло портал. Оно просто отказалось работать. Его отвели в другую комнату, где он и провалился в тяжелый, беспробудный сон.

Наутро, с «больной» головой и гулом в ушах, он ехал домой в душевой маршрутке. Он не вспоминал веселье, шутки или улыбку Кати. Он помнил тот вкус гари и рваные вспышки. Он впервые понял, что его дар – не игрушка. И что, пытаясь заглушить его алкоголем и весельем, он не становится нормальным. Он просто ломает единственный уникальный механизм, который у него есть.

Он смотрел в запотевшее стекло и видел не свой бледный от похмелья образ, а что-то иное. Смутное ощущение, что за яркой мишурой этой новой жизни его ждет что-то гораздо более важное и страшное. И чтобы это увидеть, ему нужно не бежать от своей особенности, а принять ее. Но до этого осознания было еще далеко.

Первая сессия стала для Льва не интеллектуальным марафоном, а испытанием на выживание в условиях хронического недосыпа, стресса и похмелья. Ночные зубрежки сменялись такими же ночными посиделками в общаге у друзей, якобы для «снятия напряжения». Он пил много крепкого и дешевого кофе, что было таким же триггером, как и алкоголь.

Приступы участились, но стали какими-то... бытовыми. Короткие отключения, которые он списывал на усталость. Мгновенные провалы в памяти во время разговора. Мир Ир-

реала был закрыт за завесой истощения, ему на смену пришли лишь обрывочные, тревожные образы, как предсмертные видения уставшего мозга.

Он сдал сессию на троечки, кое-как переползая из одного зачета в другой. Чувства каких-то достижений не было. Было пустое, выжженное поле внутри.

Вечеринки тоже изменились. Из романтических тусовок они превратились в рутину. Все то же самое: тот же дым, то же пиво, те же разговоры по кругу. Острота новизны притупилась. Катя, та самая сокурсница, с которой он флиртовал, оказалась в отношениях с Димой. Лев был просто своим парнем в стае. Неплохим таким, неглупым, но без изюминки.

Он пил уже не для веселья, а по инерции. Чтобы заглушить фоновое чувство тревоги и неудовлетворенности. Чтобы уснуть. И все чаще – с тайной, почти безнадежной надеждой, что сегодня, возможно, дверь откроется. Что он снова увидит тот красочный мир, а не эти обрывки кошмаров. Но дверь молчала.

Как-то он договорился встретиться с Лизой в кафе между его парой и ее работой (Лиза подрабатывала в детском центре). Они смотрели друг на друга через столик, и Лев понимал – они стали чужими. Он пытался рассказывать про универ, про вечеринки, но видел в ее глазах непонимание и легкий упрек. Она говорила про детей, про пары, и ему было скучно.

Они не ссорились. Не было громких сцен и обвинений. Просто в какой-то момент Лиза вздохнула и сказала:

– Лев, мы, кажется, стали разными. Я тебя почти не вижу. А когда вижу... ты какой-то не здесь.

Он кивнул. Он и правда был не здесь. Его мысли были в тумане похмелья, в тревожных образах приступов, в поисках следующей дозы веселья, которое уже не веселило.

– Наверное, ты права, – сказал он.

Они вышли из кафе и разошлись в разные стороны. Лев ждал боли, тоски, разрыва сердца. Но почувствовал лишь горькое облегчение. Как будто снял тесные ботинки, в которых проходил последний год.

А мамина война с болезнью продолжалась. Она была единственным стабильным, неизменным фоном его жизни.

– Сынок, я записала тебя к новому врачу, из частного центра, – говорила она за завтраком, протягивая ему таблетку.

– Хорошо, мам, – автоматически отвечал он.

Он покорно ездил с ней к платным неврологам, которые разводили руками и меняли схемы лечения. Потом она повела его к «сильному экстрасенсу», женщине в платке, которая водила руками над его головой и говорила о «порче». Лев сидел с закрытыми глазами, чувствуя себя нелепо, и думал, что настоящая магия – это не это. Она была в тех вспышках, что он потерял.

Он видел, как мама платила за эти визиты последние деньги, и ему было стыдно. Стыдно за свою ложь, за то, что он

тайно выплевывал часть таблеток, надеясь вернуть свои «путешествия». За то, что он не мог сказать ей правду: «Мама, остановись. Мне не нужно лечение. Мне нужно понять, что со мной происходит на самом деле».

Его жизнь стала плоской, как выцветшая фотография. Учеба, которой он не интересовался. Вечеринки, которые не приносили радости. Девушка, которую он отпустил без борьбы. И бесконечные, бессмысленные походы с мамой по врачам и гадалкам, которые были похожи на ритуал, на попытку задобрить богов болезни, в которых он уже не верил.

Он стоял на месте. И все, что у него оставалось – это смутная, ноющая уверенность, что настоящая жизнь, его жизнь, проходит где-то в другом месте. За плотной серой завесой, которую он сам же и возвел.

Университет для Льва окончательно превратился в ритуал. Он научился стратегии минимальных затрат: ходил на пары, достаточные для допуска, сдавал экзамены по заранее написанным шпаргалкам и конспектам одногруппников. Он был не худшим студентом, но и не лучшим – середнячком, чье присутствие никто не замечал.

Лекции проходили фоном. Пока преподаватель говорил о сложных теориях, Лев смотрел в окно и думал о том, как вчера чуть не «вырубился» в клубе. Знания не цепляли его, не зажигали искры. Ему казалось, что все это – какая-то бу-тафория, игра, в которую все играют, делая вид, что это важ-

но. Настоящие же тайны мира, как он смутно чувствовал, лежали где-то за гранью его сознания, в тех коротких провалах, что становились все чаще и неприятнее.

Его компания стала постоянной. Дима, Катя и еще несколько человек. Они были его «стаей». Они собирались каждые выходные, чтобы сделать одно и то же: выпить, пожаловаться на учебу и родителей, послушать музыку. Разговоры были по кругу, шутки – одни и те же.

Лев был своим. Его звали, с ним общались. Но глубокой связи не было. Он был статистом в чужой пьесе. Иногда, сидя с бутылкой пива и глядя на смеющихся друзей, его накрывало чувство острого, почти физического одиночества. Он был среди них, но отдельно. Будто толстое стекло делило его от всего мира. Он шутил, смеялся, но внутри была тишина.

Флирты с новыми девушками были такими же поверхностными. Несколько свиданий, пара поцелуев у подъезда – и взаимная потеря интереса. Ничего даже отдаленно похожего на то, что было с Лизой. Он не мог никому открыться, не мог говорить о главном – о приступах, о страхе, о томлении по чему-то неведомому. Поэтому все отношения разбивались о стену его неискренности.

Приступы стали частью рутины, как чистка зубов. Непредсказуемые, но частые. Они приходили в моменты усталости, стресса или, наоборот, скуки. Но это уже не были яркие путешествия. Это был сбой. Короткое замыкание.

Он проваливался в хаос. Бесформенные, угрожающие те-

ни, оглушительный гул, который давил на виски. Возвращение было болезненным, с головной болью и тошнотой. Он не видел Эпимира. Он видел лишь помехи, «белый шум» своей нестабильной нервной системы. Он начал их бояться. Не как потерю контроля, а как нечто уродливое и бессмысленное, что портит ему и без того серую жизнь.

Мамины попытки «исцелить» его стали привычным фоном. Новые БАДы, поездка к мощам в соседний город, визит к очередной «бабке», которая уверенно заявила, что на нем «венец безбрачия» и «порча на одиночество». Лев покорно выполнял все ритуалы – пил отвары, стоял на службах, подкладывал под кровать заговоренные травы.

Он делал это не из веры, а из чувства вины. Ему было жаль мать, ее отчаянную, слепую веру в чудо. Он видел, как она стареет от переживаний, и понимал, что является причиной ее страданий. Его молчаливое согласие было его формой покаяния. Он позволял ей вести эту войну, потому что это была единственная область, где он мог быть «хорошим сыном».

К 18 годам Лев достиг того, к чему, казалось бы, стремился: он был обычным студентом с обычными друзьями и обычными проблемами. Но внутри он был пуст.

Он не видел Ткань Эпимира, потому что не был к ней готов. Его сознание было замусорено суетой, страхом и ложными целями. Он пытался бежать от своей особенности, а не принять ее. И его дар, не находя выхода, вырождался

в болезненный, бессмысленный симптом.

Он стоял на краю пропасти, даже не подозревая, что пропасть эта – и есть дверь. Дверь, которую нужно не заколачивать досками, а научиться открывать. Но для этого ему потребовался бы удар такой силы, что он снес бы всю эту хрупкую конструкцию его «нормальной» жизни.

10. Трагедия Сони

К середине пятого курса началась преддипломная суета. Лев, как всегда, откладывал все на потом и теперь в панике сидел в почти пустом читальном зале, пытаясь за день одолеть кипу материала для допуска к диплому. Было около девяти вечера. Он пил свой третий стакан крепчайшего чая. Голова гудела от усталости и кофеина.

За соседним столом сидела девушка, Соня, с его потока. Тихая, неприметная отличница. Они несколько раз пересекались по проектам. Она улыбнулась ему, когда зашла, и он, чтобы быть вежливым, спросил, как ее диплом.

– Почти все, – тихо ответила она. – Осталось немного подшить и сдать. Родители уже ждут в гости, хочу их порадовать.

Они погрузились в работу. Через час Лев почувствовал знакомое, противное предчувствие. Звон в ушах, сладковатый привкус. «Черт, только не сейчас», – с отчаянием подумал он. Он попытался глубже вдохнуть, откинулся на спинку стула, надеясь, что пройдет.

Но на этот раз все было иначе.

Мир не поплыл и не погас. Он... расслоился.

Перед его глазами, прямо поверх реальности читального зала, проступила призрачная, колоссальная сеть. Бесчисленные переливающиеся нити, тянущиеся от каждого человека к другим людям, к предметам, к чему-то невидимому.

Это было похоже на схему гигантских нейронов, наложенную на реальный мир.

И он увидел узел. Прямо на Соне. Яркий, почти законченный, но к нему тянулась тонкая, дрожащая, обрывающаяся нить. Она была цвета тусклого пепла и пульсировала тревожным, прерывистым светом. Без всяких слов, чисто на уровне интуиции, он понял, что это нить ее жизни. И она вот-вот порвется.

Он замер, не в силах пошевелиться. Он смотрел на Соню, которая мирно делала пометки в тетради, и на эту ужасающую метку над ней. Это не было похоже на галлюцинацию. Это было знание. Стопроцентная, безжалостная уверенность.

И в этот момент из узла Сони потянулась тончайшая, едва заметная нить-причина. Она дрогнула и потянулась... к его чашке с чаем. К кофеину. К его собственному истощенному состоянию, которое спровоцировало этот приступ и открыло ему глаза. Он был звеном в этой цепи. Не виноватым, но... связанным.

Приступ отступил так же резко, как и начался. Сеть исчезла. Но знание – осталось. Он сидел, обливаясь холодным потом, и с ужасом смотрел на Соню.

Через два дня он узнал, что Соня попала в аварию по дороге домой. Несчастный случай. Водитель уснул за рулем. Она погибла.

Для всех это была трагическая случайность. Для Льва –

сбывшимся пророчеством. Узлом, который он видел. Нитью, которую он наблюдал в момент обрыва.

Он не плакал. Он сидел в своей комнате, парализованный шоком. Его внутренний мир, такой хрупкий и сложный, рухнул в одночасье, оставив после себя лишь ледяной ужас от понимания. Его «приступы» были не сбоем. Они были... зрением. Проклятым, ужасающим зрением. Он не просто путешествовал в другой мир. Он видел саму структуру этого мира. Ее скелет. Ее Ткань.

И теперь он понимал. Он не мог дергать за нити. Он не мог ничего изменить. Он был лишь свидетелем. Но что делать с этим знанием? Как жить, зная, что над каждым человеком висят эти узлы и нити, и ты иногда можешь видеть, какая из них скоро порвется? Впервые за многие годы он не хотел ни вечеринок, ни алкоголя, ни забвения. Он хотел только одного – понять. Он достал с полки тетрадь и написал:

«Я увидел, как обрывается нить. Я ничего не смог сделать. Я только увидел. Что я за человек?»

Его личная война с собой была окончена. Начиналась война за понимание.

ЧАСТЬ 3: ВОЙНА И ПЕРЕМИРИЕ

11. Встреча с Мастером

Лев окончил университет с дипломом, который ничего для него не значил. Он устроился на работу, как все, – менеджером в мелкую торговую фирму. Дни текли по одному сценарию: утренняя маршрутка, разговоры о поставках, вечная текучка. Он все так же периодически встречался с одноклассниками. Сидели в баре, пили пиво, вспоминали студенческие годы.

Но теперь он сидел с ними и видел не просто друзей. Он видел узлы.

Над Димой висел целый клубок толстых, упругих нитей – карьера, амбиции, брак с Катей. Но одна нить, тонкая и серая, тянулась куда-то в сторону и слабо дрожала – сомнение, возможно, в том самом браке. Лев молча пил свое пиво, зная то, чего не знал даже Дима.

Он научился скрывать свои «отключки». Если приступ накатывал в баре, он делал вид, что задумался, или шел в туалет. Теперь это были не провалы в хаос, а короткие, интенсивные сеансы работы. Он не боялся их, он использовал их. Каждая такая микро-отключка была шансом что-то разглядеть, зафиксировать в памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.